
ТЕРРИТОРИЯ ПАМЯТИ

Вера ХАРЧЕНКО

РАБОТНИК МУЗЕЯ: СКРЫТЫЕ СМЫСЛЫ ПРОФЕССИИ

В Санкт-Петербурге музеев не просто много — очень много, и сам город с восхищением величают *городом-музеем*, и профессия музейного работника, музеолога, экскурсовода куда как востребована. А всё ли мы осознаем, всё ли различаем в этой самой профессии? «Да, работаю в музее, но оказывается, я еще и артист, и педагог, и психотерапевт». Как раз о подспудной миссии музейного работника, о «производстве» позитива и даже о некотором управлении «коллективным бессознательным» мы и поговорим. С последнего и начнем.

Особенности национального менталитета обычно интерпретируют как нечто заданное, слабо поддающееся корректировке, да в ней особо и не нуждающееся, поскольку акцент ставится, как правило, на позитивных сторонах национальной ментальности. Между тем высшие слои общества, интеллектуальная элита (а музеологи, безусловно, относятся к этой категории!) могут существенно повлиять на те самые перекосы в сознании соотечественника, которые требуют внимания и вмешательства. Это прежде всего приоритет слова и некоторое пренебрежение к окружающему материальному миру. Известно, что все многообразие культур делят на два блока. Один представляет собой *res*-культуру, то есть культуру вещи, другой — *logos*-культуру, когда слово приоритетнее дела и духовное в сознании царствует над материальным, хотя не всегда это и осознается. Не *res*- ли культура порождает это ощущение добротности, ухоженности, эту заботу о порядке, спроецированную не только на дом, но и на окружающие леса в той же Эстонии, Латвии, то есть на весь тот «большой контекст», в котором живешь. Соотносится это и с немногословием самих живущих.

Российскую же ментальность с ее словоцентричностью относят к *logos*-культурам. Вот почему музей как упорядоченное многообразие предметов, как школа внимания к мелочам, как символ сбережения не только высоких идей, но и идеаль-

Вера Константиновна Харченко родилась в Калинин (Тверь), окончила Новосибирский педагогический институт и аспирантуру при кафедре русского языка Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена, доктор филологических наук, профессор, заведует кафедрой филологии Белгородского национального исследовательского университета. Автор более 500 научных работ и пяти поэтических сборников. За двухтомный «Словарь богатств русского языка» в 2004 году удостоена медали ВВЦ (ВДНХ). В журнале «Знамя» в 2006 году опубликовала статью «Русский язык: бедность или богатство?». Живет в Белгороде.

ного, продуманного быта становится психологической альтернативой весьма устойчивому мифотворчеству. *Зачем все хранить? Нет места! Что ты, как Плюшкин, все в дом тащишь?* и т. д. и т. п. В кризисные периоды (а сейчас что ни год, то новый кризис!) концепт БЕРЕЖЛИВОСТЬ становится актуальным и требует своего же сбережения в сознании нашего современника-соотечественника. Как же сотрудники музея благодарны тем, кто у себя дома сохранил, сберег ту или иную драгоценную своим возрастом вещь!

Итак, если мы говорим об управлении «коллективным бессознательным», то спрашивается, какую мысль мы несем в массы как сотрудники музея? Какая идея становится профессиональной миссией, посланием, мессиджем? В этом проблемном поле попробуем выделить целый ряд значимых и позитивных для менталитета узловых моментов.

Первое. То, что не функционально, вполне может оказаться ЭТИЧЕСКИ И ЭС-ТЕТИЧЕСКИ НАГРУЖЕННЫМ. Единственное, что осталось от прадедушки, — и на помойку? Отнюдь не случаен охвативший многие страны на западе интерес к рынкам старых вещей.

«С этой куклой играла еще моя бабушка». «Этой ложкой кормили меня, когда я был маленьким». «Сколько себя помню, столько помню эту кастрюльку». <...> Одноразовость здесь не приветствуется. «В Европе культ старых вещей — народ почти болезненно увлекается блошиными рынками, по-немецки „тредл“. Вещи — знак материальной культуры. Старые вещи продаются и покупаются. Коллекционируются по тому или иному принципу, используются вновь и вновь, обна-руживая новый шарм», — писала мне подруга перед моим приездом¹.

Известно, что академик Д. С. Лихачев собрал целую коллекцию фарфора, «путешествуя» ежедневно... к помойке². А я жалею, то не сохранила вышитую сумочку моей мамы. Сейчас я бы ходила с ней, радуясь уникальному эстетическому решению в повседневности, которая всегда стремится к стандарту. Насыщенность этическим и эстетическим? Да, но не только. Есть еще и нагруженные историей факты, исчезающие, как серебро, знания отечественной истории. Забирая книги соседки, продававшей квартиру, я вдруг обнаружила в одной из книг вырезанные из газеты «Правда» профили Ленина. Как мне пояснили, отцу этой женщины казалось кощунственным делегировать на помойку вместе с газетами изображения Ильича. Но ведь это не что иное, как интереснейший факт истории, которая, как писала в одной из своих рецензий филолог Ревека Фрумкина, «бедна фактами»³. Итак, работник музея учит бережному отношению к вещам, причем независимо от их ценности.

Духовно, морально, религиозно, — писал Н. А. Бердяев, — я не имею никакого права делать, что мне заблагорассудится с принадлежащими мне вещами, обращаться с ними дурно, уничтожать их и истреблять. Я не имею абсолютного права на вещи, я должен употреблять их на благо, но не злоупотреблять ими, должен обращаться с ними по-божески <...> Мое право собственности на вещи относительное, а не абсолютное, вещи также принадлежат Богу и моим ближним и всему миру, неотрывную часть которого они составляют⁴.

¹ Глушенко И. Старые вещи // Знание — сила. 2010. № 7. С. 113, 115

² Десятников В. Собиратель // Новый мир. 2007. № 11. С. 155.

³ Фрумкина Р. М. Читая Броделя // Знание — сила. 2008. № 5. С. 96—98.

⁴ Бердяев Н. А. О самоубийстве (психологический этюд) // Психологический журнал. Том 13. 1992. № 2. С. 98—99.

Если первое, что мы хотели подчеркнуть, — это бережливость, то второе — это умение... создавать музеи. Вы пришли в музей, но ведь и каждая квартира может и, наверное, ДОЛЖНА БЫТЬ ЧУТЬ-ЧУТЬ МУЗЕЕМ. Идея некоторой музеефикации жилья национально значима. Уникальность личности — это ее уверенность в себе, ее достоинство и значимый компонент ее счастья. Приведем интересное наблюдение писателя.

Сегодня вывел свои книги, стоящие в коридоре на закрытых стеллажах, из заточения. Все лето раздумывал, торговался и, наконец, неделю назад решился: заказал новые стеклянные раздвигающиеся двери. ... Постепенно прихожая преобразилась. Что может быть красивее и наряднее книг. Это, кроме того, живые и естественные декорации нашего существования. Но книги, спрятанные в шкафах, книги, которые не на виду, корешки которых не попадают ежеминутно в поле зрения, — это неработающие книги»⁵.

Выбирая картину, мы не задумываемся, что через пару десятилетий эта покупка придаст шарма так называемой жилплощади. Но и сейчас живописное полотно, интуитивно выбранное, отблагодарит нас. Много лет для своих исследовательских целей как филолог я записываю свидетельства изустной, так называемой акусматической культуры: спонтанные реплики, монологи. Приведу одну из записей: [Торгующая на улице картинами, убеждая купить, вдруг говорит о картине:] *С ней вам теплее будет. Она будет вас встречать дома!* (2011 г.).

Третье, что можно помнить, в рамках своей профессии, — это связь профессии и... инстинкта. Музеолог чаще может напоминать, что в глубинах нашей психики таится ИНСТИНКТ СОБИРАТЕЛЬСТВА, а с инстинктами лучше не спорить. В глубокую древности запас означал условие выживания. Некоторые аспекты счастья основаны на уважении инстинктов, будь то продолжение рода, или самосохранение, или «пошумелки» на работе. Согласимся, инстинктом собирательства проникнуты и забытые ныне пословицы: *Бережливость лучше прибýtка. Запас мешку не порча. Подальше положишь — поближе возьмешь. Есть не просит, а накормит* (здесь подразумеваются далеко не только драгоценности).

Четвертое в музееведческом позитиве — это учение о саккадах. В КРАСИВОМ МИРЕ ЖИТЬ ЛЕГЧЕ И ЛУЧШЕ. Эту мысль осознал и убедительно артикулировал отнюдь не гуманитарий, а приверженец технических наук В. А. Филин, разглядывая экспонаты краеведческого музея. Прошу прощения за большую цитату, но она того стоит. «Саккада» в переводе со старофранцузского означает хлопок паруса или резкий рывок головы лошади.

Вот у вас есть глаз, даже два. Вам кажется, что вы на точку смотрите, а на самом деле ваши глаза непрерывно и быстро движутся в разных направлениях, как бы сканируют окружающее пространство <...> Вы никогда не задумывались, почему старинные дома, предметы одежды, утвари всегда тщательно украшались? Что, у крестьянина какого-нибудь много было свободного времени — туески расписывать, вышивать рубашки или вырезать на окнах цветастые наличники? Нет, свободного времени было в обрез. Ничего не зная ни о каких саккадах, человек эмпирическим путем понял, что среди красивых вещей жить лучше. <...> Мозг после каждой саккады должен воспринимать новую картинку, из которой потом сложит образ. Если же человеческий глаз вынужден видеть ряды одинаковых объектов, он в буквальном смысле косеет. А вместе с глазом косеет мозг. Глаз как бы проваливается, скользя на одном месте, а бедный мозг не может понять: что

⁵ Есин С. Н. Дневник — 2006. — М.: Академика, 2013. С. 424.

происходит? Если это один и тот же предмет, то почему прыгает глаз? А если предметы разные, то почему они одинаковые?⁶

Работник музея неустанно напоминает посетителям, что культура — это многообразие! Мы устаем не только от спешки, не только от плохо выполненной работы, но еще и от бедности окружающего пространства, от одинаковости, ожидаемости в глазах окружающих даже собственного облика. Не отсюда ли афоризм Ремарка: «Платьев не может быть много».

Современный человек страдает от сенсорной недостаточности. Исследователь Оксфордского университета Чарли Спенсер считает, что к сенсорной депрессии приводит ряд факторов: 90 % времени мы проводим внутри помещения, изо дня в день мы едим одну и ту же пищу, окружающие человека предметы слишком единообразны. Все это приводит к тому, что у нас притупляются обоняние и восприятие вкуса, в результате иногда начинаются депрессии. А вылечить эту новую болезнь можно сменой рациона, более разнообразными ароматами, новыми вариациями с фактурой тканей и обоев, а также новым цветом интерьера⁷.

Продолжим свой перечень позитивных моментов в профессии музейного работника. Музеолог учит вниманию к предмету во всех его деталях. Музей — это еще и ВОСХИТИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ. Как говорят о жирафе: кто не видел — не объяснишь, а тому, кто видел, и объяснять не надо. В эпоху агрессивной фотографии юным посетителям музея хорошо бы срисовать, пусть схематически, скажем, всего один-два предмета из множества (макитру ли, фероньерку), но тогда слово запомнится и обогатит лексикон языковой личности, которой каждый из нас является, подчас и не подозревая об этом. Профессор Кемеровского государственного университета Н. Д. Голев много лет назад, еще в рамках своей кандидатской диссертации, провел эксперимент по обозначению деталей элементарных предметов: *шлевка* ремешка, *шлица* пальто, *наконечник* шнура, *проножка* стула? *Я не мог зашнуровать ботинок, потому что на шнурке не было...* Оказалось, носитель языка сталкивается здесь со множеством пробелов. Улучшилось ли положение с номинациями деталей через десятилетия? Вот почему полезно «читать» музей как словарь будущим журналистам, писателям при их плохо скрываемой подчас уверенности в достаточности собственных знаний.

Но и это еще не все. Работник музея, что очень важно, учит ВНИМАНИЮ К НАСТОЯЩЕМУ. Михаил Эпштейн исследовал идею так называемого хроноцида⁸. Поэтическая сторона прогресса связана, как пишет автор, с веером возможностей, что и приятно, и прекрасно. Однако, мечтая о поездках, покупках, новом месте учебы и работы, не убиваем ли мы тем самым значимость позиции *здесь и сейчас* — той самой привилегированной точки, как называл ее Эммануил Кант? Чуть-чуть улучшить свой быт, музеефицировать его — значит подарить внимание настоящему, от чего заиграет красками и самое ближайшее будущее.

Наконец, есть еще одна интересная миссия у работающих в музее и создающих музеи. В каком-то смысле это отказ от заданной иерархии имен. Россия — океан суши. Даже сейчас, когда после распада СССР не одна шестая, а лишь одна девятая пространства принадлежит нашей стране, размеры ее впечатляют. Такая огромная территория с мощной культурой и насыщенной, во многом трагичной историей не мог-

⁶ Куликова М. Филин это видит. Русский ученый обосновал физиологическую потребность красоты // Огонек. 2002. № 35. С. 34–37.

⁷ Больше разнообразия // Знание — сила, 2006, № 3. С. 13.

⁸ Эпштейн М. Н. Хроноцид // Октябрь. 2000. № 7. С. 157–171.

ла не породить колоссального числа поэтов, писателей, художников, музыкантов, скульпторов, артистов, ученых, путешественников, инженеров «и далее со всеми остановками». Мы пишем об этом потому, что в сложившейся ситуации зашкаливающего числа великих имен нам всем важно больше внимания уделять писателям «второго ряда», композиторам «второго ряда», не самым известным ученым, художникам. Эту миссию слабо проговаривают потому, что сам ранжир («второй» — читай: не самый лучший!) уже искажает и восприятие, и оценку. ОБОГАТИТЬ ПЕРСОНОСФЕРУ отечественной культуры — задача не только школы, в том числе высшей (прискорбный минимум часов отводится даже на писателей первого ряда!), но также задача, например, литературных музеев или научных музеев. Научные музеи сейчас за рубежом получили мощный импульс своего развития⁹. О резком обеднении персоносферы, особенно в сознании молодых людей, пишет Г. Г. Хазагеров¹⁰. *Мы не знаем, что играем. / Мы живем, махнув рукой. / Мы, играя, выбираем: кто же буду я такой? / Одиссей? Сократ? Петрарка? / Фауст? Гамлет? Сирано? / Голубого неба арка, / речи грубое рядом*¹¹. Читая эти поэтические строки, мы не соотносим их с подростковым возрастом, но ведь у современного тинейджера должен быть свой собственный набор идеальных проекций, а этого, увы, нет. Согласно учению А. А. Ухтомского, целые области действительности проходят мимо нас, поскольку наши доминанты не направлены на них. Так литературные музеи несколько компенсируют ущербность школьных и вузовских программ, составленных по принципу лоскутного одеяла: немного о многом и ничего по-настоящему целостного, объемного, добротного — по специальности.

Вот такой многочастной представляется нам миссия работника музея. Обратим внимание на одну сквозную мысль: все перечисленные моменты побуждают посетителей музеев чувствовать себя чуть-чуть счастливее. А это важно потому, что, как заметил Алексей Пишулин, «музеи — это витрина жизней, которые удалась, судеб, которые сложились. Тем, чьи портреты смотрят с музейных стен, вовремя улыбнулась удача, встретился нужный человек, легли карты, как говорится. / А если у вас не предвидится такого события, такой встречи — ни сегодня, ни завтра? Жизнь временами необыкновенно скупа на проявления чудесного!»¹² Но вот, оказывается, материальный мир может помочь в самоидентификации, и миссия сотрудника музея, если он осознает ее, заключается еще и в этом.

Теперь несколько слов не о чужом, а о своем счастье. Чтобы стать в своей профессии артистом, надо почувствовать себя... счастливым. Одну женщину, которой тогда было под 90, спросили, как удалось ей дожить до такого возраста. С улыбкой вот что она ответила: «Я ведь работала в музее, вокруг меня были такие красивые вещи!» Итак, получается: мы бережем вещи, а они берегут нас. Мы раскрываем красоту и изящество сервиза ли, наряда, комода — и незаметно сами становимся чуть-чуть красивее и изящнее. Но это еще не все для осознания внутрипрофессионального счастья. Экскурсовод — это неустанное говорение, кто бы спорил? Это тяжело, скучно? Но культуролог Константин Фрумкин не так давно опубликовал статью под названием «О загадочном удовольствии говорить», в которой раскрывает четыре (!) источника того самого удовольствия от говорения¹³. Во-первых, мы тренируем биологически данную нам способность, а это всегда приятно. Во-вто-

⁹ Умные и шумные: за что мы любим научные музеи? // Наука и жизнь. 2014. № 2. С. 2—11.

¹⁰ Хазагеров Г. Г. Персоносфера русской культуры // Новый мир. 2002. № 1. С. 132—145.

¹¹ Гранцева Н. А. «Мой Невский, ты — империи букварь...». Книга стихов. — СПб.: Изд-во «Журнал „Нева“», 2009. С. 106.

¹² Пишулин А. Ю. Слово редактора // Мир музея. 2016. № 2. С. 8.

¹³ Фрумкин К. Г. О загадочном удовольствии говорить // Нева. 2010. № 12. С. 139—146.

рых, нас слушают, а это дарует ощущение власти и сцены (поэтому мы и пишем про *артистизм* профессии!). В-третьих, говорение — это возможность оставить свой неповторимый творческий след. Да-да! Если текст хорошо написан, то от повторения он, как молитва, как стихи, не портится. Более того, в наших руках, точнее, в нашем голосе таится и своеобразие тембра, и богатство интонаций. Лишь бы не звучало в подтексте: *Как мне все это надоело! Это всем известно! Скорей бы все рассказать да освободиться!* Русский человек, повторим, словоцентричен, чуток к тому, что за словами! Даже известную с детства практически всем басню «Ворона и лисица» рекомендуют рассказывать, опираясь на внутреннее предварение: *Я расскажу вам сейчас что-то столь интересное!* Но мы отвлеклись. Четвертое удовольствие от говорения заключено в самой возможности хотя бы немного поуправлять чужим восприятием, чуть корректируя картину мира в сознании слушателей, экскурсантов.

Если нас окружают красивые вещи, если мы ежедневно пребываем на своей маленькой сцене, то можно и нарядиться, и собственный стиль выработать, свой собственный поведенческий стиль, включающий осанку, аксессуары, походку, мимику, взгляд живого интереса к тем, кто пришел вот и слушает. Высший уровень поведения тоже приносит удовлетворение. Кстати, о посетителях музея. Как много людей страдают от того, что на работе каждый день одни и те же люди, особенно если они еще и одного «гендера», то бишь пола, и примерно одного возраста. А концепт «музей» ассоциативно соотнесен с таким словом, как «посетители». Значит, у нас есть возможность пообщаться с самыми разными категориями сограждан. Конечно, здесь хороша и обратная связь, почему мы так ценим вопросы экскурсантов и высказываемые ими оценки и суждения. Наши соотечественники в силу словоцентричности и литературоцентричности нации иногда высказывают весьма любопытные вещи. Да и некоторые их вопросы хорошо бы записывать для повышения уже собственной квалификации, что тоже активизирует компоненты, молекулы счастья: пока человек учится, он не стареет. Здесь еще важен акцент на том, что общаемся мы почти всегда с незнакомыми людьми. За рубежом не так давно проводили эксперимент: контрольной группе предлагалось не вступать в контакт с незнакомыми, а экспериментальной группе, наоборот, пробовать поговорить с незнакомыми. Да, тем незнакомым было приятно, что с ними поговорили. Но главное, как оказалось (психология всегда парадоксальна!), в другом. Более счастливыми почувствовали себя сами инициаторы разговора, люди, вступившие в этот кратковременный контакт с совершенно незнакомыми им людьми.

Одно из прекрасных решений по формулировке национальной идеи — пестовать национальную элиту. Посетители идут в музеи за высоким, элитарным знанием, и музейные работники помогают уже в детях, школьниках формировать элитарную установку личности.

Мы много, пожалуй, «нарасказали» сейчас о счастье, таящемся в музееведческой профессии, не только и не столько потому, что набирает обороты так называемая фелицитарная философия¹⁴, исследующая механизмы счастья, но и потому, что специфика переживания счастья заключается в необходимости его узнавания, осознания и, что не менее важно, проговаривания.

¹⁴ Фрумкин К. Г. Политическая экономия счастья. Футурологический этюд // Знамя. 2011. № 11. С. 204–214.